

Собеседник. - 2002 - 9 июля - С. 16 - 17.

фото Ларисы Кудрявцевой

Довольной собой бываю раз в году

— Нет у вас ощущения, что язык танца все-таки недостаточен? То есть что иногда проще объяснить на словах, а танец — это все-таки искусство архаическое, до-драматическое?

— Видите ли, слово навязчиво. В этом его порок, для искусства часто губительный. Слово нарушает энергетику танца. И оно вдобавок не интернационально. Балет — чистая магия: вам ничего не предписывают, вы можете его понимать как угодно, включать фантазию, участвовать в творчестве... Вот что я имею в виду, когда говорю: балет — счастливое искусство. В нем нет ничего от того, что привносится словом: привязка к конкретике, ко времени, к будням... Чистая красота и полная свобода интерпретации.

— Тогда спрошу иначе: в обычной жизни вам всегда хватает слов? Нет желания обойтись жестом, вместо длинного объяснения как-то так махнуть рукой?

— А, это забавно, это идея. Нет, я достаточно свободно говорю, если вы заметили. Но вообще некоторые вещи... особенно в разговоре с корреспондентом... иногда действительно проще было бы станцевать.

— Ну, просить вас об этом я не посмею...

— Это, к сожалению, и невозможно было бы экспромтом. Мне тогда перед каждым разговором пришлось бы разминаться часа три.

— Что, и перед каждым выступлением вы так разминаетесь? Хорошо, скажем, музыканту вовсе не обязательно перед каждым концертом три часа разрабатывать руки...

— Кто вам это сказал? Без изнуряющей репетиции ни один серьезный музыкант на сцену не выйдет. А в балете... тут любовью, даже современный номер — где, казалось бы, полная раскованность и минимум школы — немалым без многочасовой разминки. Иное дело, что... понимаете, вот эта моя мысль насчет балета как счастливой искусства — это все отчасти для того, чтобы сломать отечественный — да и мировой — стереотип балерины. Вот она вся иссохшая, замученная, школа у нее ежедневная и многочасовая, у станка она стоит, пот с нее хлещет, она в травмах вся и ограничивает себя во всем... Я хочу как-то это сломать. Да, можно сказать, что у меня не было детства: все детство я себе говорила, что отдохну потом. Ну, и это потом до сих пор не наступило, оно, так сказать, отодвигается в бесконечность. Да, вероятно, каких-то детских радостей я была лишена, не играла, положим, во дворе... Но положила руку на сердце: такая ли это жертва, так ли мне это было нужно? Я все равно общалась, прикасалась как-то к этому миру — он мне после моей балетной школы, где изучали и театр, и историю му-

Об Анастасии Волочковой спорят больше, чем о любой другой современной российской балерине. Одни говорят, что это Басков, Шилов и Глазунов от балета, кич, имитация, маскульт. Другие — что Волочкова приближает классический балет к запросам современной аудитории. Третьи — что техника у нее хромает, четвертые — что говорит она только общие слова, а думает исключительно об успехе и славе... Всей этой разногласицы было бы достаточно, чтобы вызвать к ней интерес. Но главное, что подогревает все эти споры — несомненный и явный волочковский успех в России и в мире. И ее красота, в которой не усомнится и самый яростный противник. Так что поговорить с Волочковой в любом случае интересно. Возможно, этот разговор только укрепит ее противников в неприязни ее личности и работы, зато сторонники обрадуются свиданию с любимой танцовщицей.

зыки, казался порядочно-таки скучным. И простите за высокопарность, у меня какие-то идеалы были, я работала над собой, я мечтала станцевать то и это, — школьное время мне помнится как самый интенсивный рост. Искусство требует жертв — это штамп такой; но искусство тем и отличается от диктатуры, допустим, что тут все жертвы приносятся добровольно. Это же в радость. Я вот всей своей жизнью жертвую — но что лучшего я могла бы с ней сделать?

— А у сверстников, выходит, идеала не было?

— Думаю, что такого — не было... У меня почти не было друзей из обычной молодежи, я даже и не знала, чем они живут. Это не значит, что я предпочитаю общество элиты: святой дух дышит, где хочет, и человек вовсе не обязан заниматься искусством или, паче того, быть аристократом, чтобы в эту духовную элиту входить... Просто надо постоянно делать что-нибудь, нужно беспокойство, нужно то, что называется «духовной жаждой томим». Я могу себя хвалить, но довольна собой бываю раз в году, наверное...

Игой не занимаюсь, в сладком себе не отказываю, спать ложусь в 5 утра

— Игой или иными духовными практиками вы не занимаетесь? Сейчас модно...

— Всегда было модно, но я верующий человек и никаких отклонений от этого не признаю. Зачем мне йога? Зачем мне заплетать себя в немалосимые позы, когда есть танец? Мне в детстве скучно было все, кроме искусства. Так что ни в чем жизненно важном я себе не отказала. Поэтому, все эти разговоры о диете: я ем, что хочу, не надо преувеличивать балетную аскезу...

— В одном из рекламных роликов терзаемый сомнениями юноша преподносит балерине после выступления коробку конфет. Боюсь, что для балерины это подарок совершенно бесполезный: она же все равно не может их съесть...

— Мне кажется, запросто. Я вот больше всего из еды люблю мороженое и, хотя приходится выбирать обезжиренные сорта, чтобы не поправиться, отказываться от него не собираюсь. Вы не думайте, что все зависит от количества съеденного: на форму влияет нагрузка. Физическая и эмоциональная. Если есть работа, много спектаклей и в то же время есть внутренняя гармония, нет нервного стресса, что бывает вообще-то крайне редко, то совсем нетрудно держаться в форме и быстро худеть, даже позволяя себе сластолюбие.

— А ложитесь поздно?

— Ранно ложусь. Часов в пять-шесть.

— Вечера?

— Утра. Но это тоже мой выбор, я так живу. Вечер и ночь принадлежат мне.

сорвать мое выступление не может ничто. Какое бы расположение ни было, спектакль объявлен и выходить надо; измените точку зрения — и все будет иначе. Вель обиды или конфликт — они для чего вам посылаются? Для преодоления, естественно. Это проба своего рода. Если вы с мазохистским наслаждением засаживаете поглубже эту занозу — виноваты сами. Можно действовать иначе, можно как раз на сцене это преодолевать, чтобы зритель в результате получил только наслаждение... Сцена как раз лечит, а не усугубляет обиду. Я вообще сильно завишу от среды, от окружения, — мне, например, надо, чтобы вокруг было много цветов. Таких, какие мне в этот момент нужны. С цветами у меня отношения особые, я даже думаю, что буду этим как-то заниматься после окончания собственно балетной карьеры...

Когда была в Америке, любимый посылал мне подарки из Москвы

— Неужели настолько серьезно?

— Во всяком случае, рассматриваю этот вариант. Я не просто люблю цветы — я среди них должна жить, я их понимаю, и тут не в количестве дело. Мне важен не столько букет, сколько обстоятельства его дарения — одинокая роза, просто так подаренная на улице, может зарядить меня счастьем на весь день. И человек, которого я люблю, — он это знает: его подарки настаивали меня в самых неожиданных местах и обстоятельствах. Даже когда я, например, в Америке, а он здесь...

— А вид у вас довольно цветущий.

— Вот и хорошо, что вам так кажется. Вы не должны видеть трудности, вы должны видеть красоту. Почему, в конце концов, я должна быть изможденной и несчастной? Я танцую в Большом театре, занимаюсь своим делом, вокруг меня много цветов — это для меня жизненно важно... Любимый человек со-

— «Балет — искусство молодых, и на сцене всегда должно

А у меня мама в Летнем саду работала экскурсоводом. И я каждую свободную минуту бежала туда — смотреть на статуи. Думаю, что у них я почти всему и научилась...

»

мной рядом, по-настоящему любимый...

— Кстати, вы его скрываете, и оттого возникает слух: то пишут, что это английский магнат, то говорят, что это Джим Керри... Может, вам проще его показать миру, чтобы не было абсурдных версий?

— Да я вовсе его не прячу. Я и так на глазах у всех — хочется какую-то часть жизни оставить только своей.

— Поэтому вы нигде не появляетесь вместе?

— О да, и прячемся по подвалам! Мы довольно часто появляемся вместе. Кто пристально наблюдает — давно все заметил. Но меня совершенно не влечет наблюдать подобные разговоры. Мое свято место — сцена, там я открыта, вот там и смотрите...

— Вы можете выйти на сцену в дурном расположении духа?

— Ну а куда же я денусь? Говорю вам с полной уверенностью:

быть молодое красивое тело — это собственные ваши слова, и довольно жестокое. Не боитесь, что в некий момент вам их напомнят?

— Я для того и строю свою балетную судьбу сама, чтобы никому не пришлось меня терпеть, чтобы никто не мог мне однажды сказать: «Нужно уйти». Я уйду сама, в расцвете сил, чтобы зритель помнил меня молодой, красивой, эмоциональной... Балетная жизнь коротка, это надо помнить. Я знала ведь, на что иду. Это не означает, конечно, полного ухода из балета, из искусства вообще. Возможно, найдутся современные постановки, которые позволят мне достойно выглядеть на сцене. Возможно, я буду заниматься цветами, как уже сказала. Существует фонд Анастасии Волочковой, и я, как его президент, буду организовывать концертные вечера. И кроме того, не исключая, что попробую реализоваться в кино.

— Тут у вас предшественники отличные — достаточно вспомнить Людмилу Савельеву — Натану Ростову из «Войны и мира». И Максимова много раз играла драматические роли... Вам что-то сейчас предлагают?

— Да, очень много. Заметьте, я пока себя актрисой далеко еще не считаю — это все-таки особый дар и особое образование, хотя в балете без актерского искусства ничего сделать невозможно. Но в престижных проектах поучаствовать хотелось бы. Я часто отказываюсь от ролей по разным причинам: однажды не подошел сценарий, определенные сцены, на которые я не могла дать согласие...

— Эротические?

— Не только. В другом, наоборот, меня не устроила сложность драматургии. Я еще не чувствовала себя в силах это сыграть... От одного из последних проектов пришлось отказаться, потому что он требовал огромного количества времени. Это был телесериал, и я не могла отдать целое лето съемкам — боялась выйти из формы. Наелось, мои фильмы еще впереди. Скорее всего первое предложение приму от западной компании. Очень интересные идеи сейчас у моего английского адвоката, который сам написал сценарий и работает над постановкой фильма-балета.

— Почему именно Запад? У нас нет достойных — или там идеи лучше?

— Я трезво смотрю на эти вещи: сейчас там больше возможностей. И боюсь, что больше увлекательных идей: у нас они довольно однообразны... Идеальным вариантом было бы сочетание западных возможностей и нашего зрителя. Зритель — вот главное, что меня здесь держит: никогда бы не уехала и впредь постараюсь не уезжать. Ездить — ради бога, но я хочу представлять в мире Россию. Такого зрителя, без преувеличения, нет больше нигде. Я люблю свою страну по разным причинам, здесь моя душа, здесь складывается моя жизнь. Это иллюзия, что русский человек может прижиться на Западе, и довольно опасная. Он слишком многое теряет и слишком многим жертвует... Я на зрительском приеме не заиклена. Мне просто нужно, чтобы меня ждали. И понять меня не везде смогут. Похлопают-то везде, даже скажут: «Очень красиво», но поймут здесь.

— На Западе вас хуже принимали?

— Принимали-то очень хорошо, даже слишком пафосно. Только что прошли гастроли в Вашингтоне, и это был грандиозный успех. Но, понимаете, если ты знаешь, что представляешь Россию, то ты и танцуешь по-другому. Ты формируешь представление о ней... Это ведь все, давайте скажем честно, не самые главные показатели — политические, экономические... Это как упомянутые вами радости жизни — поесть, поспать: это ведь радости физические, кажущиеся. Кто был на сцене, тому они — так себе... Ну и вот,

и когда в стране есть могучее искусство — ей все прощается. Не мне аплодируют, не моему танцу, не партнеру моему замечательному Евгению Иванченко — мы показываем Россию. И смею думать, выправляем ее имидж.

С Курниковой меня сравнивают потону, что она тоже красивая женщина

— Вы все время говорите о классике, а современный танец упоминаете только как способ достойно выглядеть на сцене в зрелые годы... Чем так-то уж плох современный танец? Может, русский балет попросту отстал?

— Да вовсе не считаю, что современный танец плох — совсем наоборот. Просто у классическая балерина и предпочтения у меня соответствующие. Я училась в классической балетной школе имени Ваганова в Петербурге. Танцевала на сцене Мариинского театра и за три года работы станцевала почти весь сольный репертуар — больше 17 сольных балетов. И в Большом театре моя основа — классический балет. И что ни говорите, а высшая духовность балета заключена все-таки в классике. На меня ведь очень по-разному реагируют: одни считают, что главное мое призвание классический балет и я не должна выходить на сцену с современными постановками. Другие убеждены в том, что современные номера, поставленные специально для меня, эксклюзивно, с правом, переданным мне, — как раз мое главное достоинство и отличительная черта и их я должна придерживаться.

— А вот что вас сравнивают иногда с Анной Курниковой — это вам как?

— Я и не знаю, почему нас сравнивают. Ну, может быть, потому, что она тоже ломает привычное представление о спорте как о чем-то изнурительном... Может быть, потому, что она красивая женщина. А в спорте это редкость.

— Вы сказали однажды, что хотели бы быть лицом России. А какой смысл вы вкладываете в это понятие?

— Хочу представлять Россию достойно, никакого другого смысла.

— А какие качества должны быть у человека, достойного звания «лицо России»?

— Именно те, которые я и стараюсь в себе развить. Профессионализм. Образованность, человечность. И знаете, я считаю, любовь и доброта — это то, что может быть сейчас не только символом и лицом России, но и должно быть спасением для всего нашего мира... Вот если бы я вам сейчас станцевала, вы бы лучше поняли.

— Кто из учителей на вас больше всего повлиял?

— Все. Но в наибольшей степени — Летний сад.

— В смысле?

— А у меня мама в Летнем саду работала экскурсоводом. И я каждую свободную минуту бежала туда — смотреть на статуи. Думаю, что у них я почти всему и научилась...

■ Ирма Каплан.

фотограф Валерий Плотников

анастасия волочкова:

я жертвую жизнью, но это блаженство